

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА ПОЭЗИИ ХУЭЙ ВА

Статья знакомит читателя с современной китайской поэтессой Хуэй Ва, чье творчество получило высокую оценку литературных критиков в Китае. В переведенных на русский язык стихотворениях просматривается независимый дух поэтического слова, который выражен как в форме стихотворной строки, так и в своеобразии образного ряда отдельного стихотворения.

Ключевые слова: перевод, образный ряд, культурно-исторический контекст.

Первые переводы стихотворений Хуэй Ва (灰娃) на русский язык представлены в сборнике «Азиатская медь. Антология современной китайской поэзии» 2007 года. Эти переводы очень приблизительны и, по-видимому, относятся к таким, которые «балансируют между стремлением к академичности и тягой к образности (таковы переводы поэтов-новаторов, соблюдающих китайский подстрочник и одновременно преодолевающих его)», – пишет главный редактор издательства «Петербургское востоковедение» и автор перевода стихотворений Хуэй Ва на русский язык Ольга Трофимова [1:15]. Как автор решает поставленную задачу – «преодолеть подстрочник» – мы разбирать не будем. Но даже достаточно свободное обращение с материалом китайского стихотворения в антологии «Азиатская медь» не мешает понять особое положение китайской поэтессы в ряду современных авторов, ее своеобразное поэтическое видение, необычность образного мышления и языка. В переводах, представленных в этой статье, автор стремится почти буквально идти за мыслью и образным рядом поэтессы в той мере, в какой автор сам понимает смысл стихотворения, делая выбор не между тем – что сказать, а между тем – как сказать. Любые благозвучные, выразительные пассажи сразу же удаляются, если только они уведут от сказанного поэтом. Задачей перевода всегда остается внимательное вслушивание в текст, почти пословное следование за ним, желание понять до конца поэтическую мысль. Есть огромная необходимость начинать разговор о китайской поэзии XX века, стремительно уходящей в историю литературы, и делиться опытом перевода современных поэтических произведений. Основная работа еще впереди. Не остается никаких сомнений, что современную китайскую литературу нужно изучать, основываясь на лучших образцах.

Ее имя у нас пока не известно. Мы мало знаем о современном китайском искусстве, еще меньше знаем о современной китайской поэзии. Если открыть китайский сайт «Полный свод современной китайской поэзии» – сотни имен, десятки направлений! – её имени там нет. А между тем известный китайский поэт и переводчик господин Ту Ань сопоставил её поэзию с английским поэтом Уильямом Блейком и американкой Эмили Дикинсон. Переводчик русской поэзии профессор Гу Юй сравнивает её поэзию по силе духа с русскими поэтами А. Ахматовой и М. Цветаевой. В китайском интернете можно найти разные отзывы о ней, в Китае о ней пишут магистерские работы, защищают

диссертации. Один из читателей Шао Яньсян говорит о том, что поэзия Хуэй Ва – «чистая поэзия... правда которой превышает самую высокую правду жизни» [2]. Чудесное появление поэзии в её жизни – необыкновенная история. Именно в трудные годы «культурной революции» (1966-1976), когда невозможно было думать об искусстве, к Хуэй Ва стали приходить поэтические образы, отдельные слова или фразы, или даже целые строчки текста. Хуэй Ва вспоминает, как начала писать и только для того, чтобы выразить сложные и тяжелые переживания, как потом перечитала и испугалась написанного: «это же улика!». Преступлением во время «культурной революции» была любая свободная мысль, если она не совпадала с основной пролетарской линией «великого кормчего». Все, что она записывала, тут же выбрасывала, а не писать было уже невозможно, иначе – мрак, тяжелая форма шизофрении. Но однажды болезнь, уложившая в кровать, помешала ей сделать это. Племянница Фэй Фэй, которой не было и шестнадцати лет, приехала из другого города ухаживать за больной, просьбу больной выбросить черновик она не выполнила, тихонько увезла с собой и спрятала. Так сохранились два стихотворения, написанные в годы «культурной революции», – «Эпитафия» и «У моего лба ветви и листья», которые Фэй Фэй вернула только тогда, когда узнала о готовящемся к изданию первом сборнике стихотворений.

История удивительная и как будто даже знакомая. Когда-то О. Мандельштам заметил: «...поэзию уважают только у нас – за неё убивают. Ведь больше нигде за поэзию не убивают». Оказывается, убивают. Везде, где не нужна правда. Но каждый раз заново восхищаешься её пробивной силой, – силе молодого зеленого побега, – новой и вечной надежды. В 1975 году ещё не закончилась «культурная революция», Хуэй Ва напишет:

Только одна птица еще поет
но песня не пробьет
словно лед пустующее безмолвие.

Мы больше не в силах просить
устали от иллюзий и все же
птица-вещун!

Не можешь ли ты своей
чистой и звонкой песней приветствовать
солнечный свет зарождающегося дня?¹

Образ птицы, поющей о весне, известен поэзии давно, и каждый раз эта новая песня подобна самой весне, которая никогда не повторяет себя, подобна раннему утру, которое каждый раз заново пробуждает сознание.

Вчера ночью
как глубока эта тишина
как чудесен этот звук
вселенная так же вечно
участвует в тайнах духов.

---

¹ Переводы стихотворений сделаны автором статьи вместе с китайским переводчиком Гу Юй.

Та черная ласточка прилетевшая с юга
У моих ушей тихонько болтает
признается, что бог успокаивает мою душу
с усердием

В другом стихотворении птица – совсем тихая песня, но которую улавливает слух поэта с такой стороны, куда заглянуть отважится не каждый. Да и можно ли кому?

Ни приношений ни роз не нужно
моя могила днем и ночью длинным плющом льет слезы
поминальным утром одна птица тихо поет
леопард придет с одним фонарем.

Поспешно успела расположиться на отдых
буду много думать в своей могиле
оглядываясь туда откуда идут следы
то глубокие то мелкие.

Думаю в той стороне я забыла что-то
Обрыв светотени чистая вода звук ветра
Брожу брожу
Век век ищу чего-то
уже я простилась с мучительным суетным миром
здесь далеко от тесного мира людей
светлым днем я услышу как сверчок поет сиротливо
темной ночью услышу как журчит горный ручей.

Я решила свободно лететь вслед за горной водою
только страшно вода с гор уйдет не вернется обратно
О звезда предрассветная!
На ветру и в росе будь добра озари чистым светом!

Не нужно
не нужно у души допытываться.

У Хуэй Ва есть несколько стихотворений о пустыне. Одно из них – «Короткая песня о Тенгри». Тенгри – так тюркские народы в средние века называли Духа Неба – четвертая по величине пустыня в Китае. В стихотворении она – живой организм, у которого есть свои прошлое, настоящее и будущее. Время оседает в пространстве пустыни песчинками многочисленных судеб на виду у верховного божества – «вечного Неба», с именем которого связана её жизнь. Поэт всего лишь передает эту связь:

С подъемами и прогибами
Тенгри пустыня
горячая волна кипит двигается
пальцами бесчисленных рук указывает вперед

массивной волной разрывает воздушный поток
как если необъятный лес
в просторах горизонта дружно указывает на западный край
безбрежный поток
выводит сильный звук свиста
кажется, что наконечник стрелы пронзает наши
запечатанные в предсердии угрызения совести
не говоря уже о самодовольстве или
о тусклой обиде и ненависти.

Глаза ослепляющая
Тенгри пустыня
море разгоряченных лучей в полдень колышется
раскачивает чистые звуки фиолетово-бронзовых бубенчиков
в полуночи лунный свет расходится
темно-красной розой
восторженно распускающейся
песочная равнина полное хранилище ветра
втихомолку комментирует крупный военный мятеж
и тогда большие перемены во времени начинают путаться
сегодняшний день прошлый век стираются выжигаются полностью
не от человека но к погребенным эта
достигающая далеких небес струящаяся хоровая поэзия.

Господин Ту Ань пишет о шестом, седьмом и даже восьмом чувствах поэта. В поэзии Хуэй Ва «сознание поэта превосходит обычную степень чувствительности, ...нахлынет не знающий меры пафос поэта, дойдет в конце до нестерпимой боли, преодолет грань жизни и смерти, достигнет соединения жизни и сновидения». В стихотворении «Чья воля, предавшая волшебство, уничтожила царство цикад и сверчков»² мучительное осознание существующего мирового зла, не названного, но обладающего силой уничтожать всё малое и слабое, уделом которых всегда остается печальная красота увядания:

На высоко висящей макушке дерева цзинь-цзинь, цзинь-цзинь
как будто солнечный луч раскачивает мелкий янтарь
моя душа кругами вьется вокруг волн света блеска
а в зарослях рулады звуков цвиринь цвиринь подвесок ожерелья стрекот
то развернут молчание то удлинив растянут в пустоту

волшебный перезвон разносится скорее выходи
скорей приди обласкан будешь сезонным даром года
одна душа весь мир божественным провидением пропитаны
сердце и тело переполнены таким
холодным горьким счастьем

...

---

² Это и следующее стихотворения приводятся в сокращенном виде.

рулады стрекота насильственного мира терзающего душу
погасли
пустота не может заменить сердце Земле и мне
но долгий-долгий сон следы раскаяний тысячелетний срок
скитаются в подземных переходах

так если у Земли терпенье не сравнимо ни с чем
кто несмотря на все с Земли прогнал
стряхнул благоухающую музыку? кто
из сердца вынул несмотря на все ту
в долгих думах и тяжелых вздохах печальнейшую красоту?!

В стихотворении «Большая преграда – монастырь Бинлинсы» важен культурно-исторический контекст. Прочитывается столкновение двух сил – завоевательной (князь усуней) и преграждающей путь неприятелю (монастырь Бинлинсы). Монастырь представляет собой пещерный храмовый комплекс в провинции Ганьсу. Интересно, что во II веке до н.э. здесь жили племена усуней. Центральная скульптура храмового комплекса – 27 метровая статуя Будды, у ног которого разливаются воды реки Хуанхэ. Во время «культурной революции» (1966-1976) именно его труднодоступное местонахождение естественным образом преградило путь нашествию агрессивной молодежи («хунвэйбинов») для уничтожения культурного наследия.

Большая преграда
врезается в слои облаков

солнечные струны рябью по воде журчат
солнечный барабан воодушевляет семицветное сияние
табун лошадей
энергично ступая несется вверх

а в кровеносных сосудах земли
оседает гигантская тишина
почему ты голову всегда
прячешь в те роскошные сны
когда осыпаются осколки
переливы арфы
разрывают
тоску пастуха по родине

...

Здесь переведены те стихотворения Хуэй Ва, которые можно найти в китайском интернете, но переводы автора статьи сверялись по книге «Стихи Хуэй Ва» (2009) [3]. В 1997 году вышел первый её сборник «Родина горного духа» в издательстве «Народная литература». В 2000 году она получила премию этого издательства. Второй сборник стихотворений выходит в 2009 году под названием «Стихи Хуэй Ва». В 2011 году в Гонконге выходят воспоминания Хуэй Ва «У моего лба зеленые ветви и листья». Литературный

Китай продолжает знакомиться с творчеством ни на кого не похожей поэтессы. На сегодняшний день пока не известны переводы её стихотворений на европейские языки. А между тем первый, кто оценил её творчество, был известный в ту пору художник Чжан Дин. Он ещё с юности был знаком с Хуэй Ва как с одной из своих учениц. Они познакомились в Яньани, где, не смотря на тяжелые полувоеенные условия и бедность, развивалось независимое культурное движение. В школе искусств Яньани училась Хуэй Ва и работал Чжан Дин, там преподавали китайскую культуру наряду с европейской и русской. Потом Хуэй Ва скажет, что такого духовного подъема, как в те годы (1939-1946) больше нигде и никогда она не встречала. После Яньани будет тяжелая война с Японией, будет рождение нового государства КНР и связанные с этим надежды на будущее. Будет учеба в Пекинском университете на факультете русского языка, работа в отделе переводов. Однако последующая политика государства не даст свободно развиваться общественной жизни. Лозунги один за другим будут сменять друг друга, а жизнь народа будет по-прежнему тяжелой. «Культурная революция» нанесет тяжелый удар по свободному духу Хуэй Ва. С диагнозом шизофрения она попадает в больницу и уже больше не возвращается к работе переводчика.

И все же это не поражение. Жизненные силы ищут иной путь и выходят на тот уровень, когда становится возможным рождение поэтического слова. Отдельные слова, фразы и даже целые куски текста как бы вынуждают запомнить себя, записать. Но «это же улика!», – испугается Хуэй Ва и все же покажет черновик Чжан Дину. Он поддержит её талант, скажет: «Это – стихи! У тебя много красоты в душе, нужно дать ей выход. Эти стихи должен увидеть свет». Так Хуэй Ва будет записывать мысли и в тревожное время прятать черновики в разных местах. В 1986 году, когда Хуэй Ва и Чжан Дин, уже не молодые, станут мужем и женой, у обоих начнется период творческого подъема. Чжан Дин в живописи начнет использовать почти забытый древний метод рисования «сухой кистью», создаст много замечательных картин. Хуэй Ва будет помогать ему и в повседневной жизни, и в творческих выездах в живописные места, в жару будет вытирать ему пот со лба, в ветреную погоду закрывать собой от него сквозняк. Но в свободное время она обращается к стихам. В интервью она скажет: «...надеюсь продолжать писать, про себя боюсь, что не будет стихов». Сейчас ей 87 лет. У нас есть возможность поблагодарить жизнь за то, что Хуэй Ва с нами и продолжает писать стихи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / [сост. Лю Вэнь-фэй]. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 256 с.
2. Шао Яньсян. Письмо к Хуэй Ва [Электронный ресурс]: 邵燕祥 来源: 文汇报. 给灰娃的信. 日期: 2011-07-30. Режим доступа: http://whb.news365.com.cn/bh/201107/t20110730_3099106.htm
3. 灰娃的诗 灰娃著。—北京: 作家出版社, 2009. — 256页。

Черниш Н. О., канд. філол. наук, доцент
Дніпр. нац. ун-т імені О. Гончара, Дніпропетровськ

ЖИТТЄВА СИЛА ПОЕЗІЇ ХУЕЙ ВА

Стаття знайомить читача із сучасною китайською поетесою Хуей Ва, чия творчість отримала високу оцінку літературних критиків у Китаї. У перекладених на російську мову віршах проглядається незалежний дух поетичного слова, виражений як у формі віршованого рядка, так і у своєрідності образного ряду окремого вірша.

Ключові слова: переклад, образний ряд, культурно-історичний контекст.

Chernysh N. A., PhD, assistant professor
Oles Gonchar Dnipropetrovsk national university, Dnepropetrovsk

THE VITAL STRENGTH OF POETRY BY HUI VA

The article introduces a contemporary Chinese poetess Hui Wa. Her works have got the highest estimation from literary critics in China. The independent spirit of poetic word, expressed both by the form of the verse and by originality of images in every poem, are perceptible in the poems translated into the Russian language.

Keywords: translation, imagery, cultural and historical context.

УДК 821.161.1

Пахарева Т. А., доктор філол. наук, проф.
Нац. пед. ун-т імени М. П. Драгоманова, Київ

ПОЭТ ПЕРЕД КИНОКАМЕРОЙ: КИНОГЕРОЙ VS ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

В статье рассмотрены кинорепрезентации поэтов как трансформированные формы проявления категории лирического героя. На материале кинематографических образов В. Маяковского, В. Высоцкого, Б. Ахмадулиной, И. Бродского выявлено, что присутствие поэта в кадре всегда создает двойной эффект: кинообраз поэта сохраняет свою документально-биографическую составляющую, но непременно обретаёт и художественную природу (как в игровом, так и в документальном кино). Это даёт основания типологически соотнести кинообраз поэта с категорией лирического героя, которая, как известно, также реализуется на пересечении биографического и художественного контекстов. Более детально в статье проанализирована сложная многослойная субъектная структура фильма «Зеркало» А. Тарковского и продемонстрировано, что образ отца-творца в фильме является трансформированным вариантом лирического «я» Арсения Тарковского.

Ключевые слова: лирический герой, кинематограф, автомиф, Арсений Тарковский.

© Пахарева Т. А., 2014